отцы»), а не в католическом плане. Все это (связанное у Малерба не только с его личным равнодушием к религии — или внерелигиозностью Генриха IV — но и с национально-абсолютистской функцией его оды) надо иметь в виду для понимания ближневосточных пророчеств Ломоносова. «Отмстить крестовые походы» скажет не он, а Державин.

Перед Гюнтером в 1718 г. стояла иная задача, чем перед Малербом. Победы Евгения были реальны; театром военных действий была Сербия, Румыния, Семиградье, Босния; со стороны Турции это была уже оборонительная война. Пророчество Малерба поэтому звучит для Гюнтера гораздо реальнее. Он пользуется им для того, чтобы придать победам Евгения грандиозную перспективу величавых историко-географических ассоциаций. Вместо притоков Дуная и скудно звучащих славянских городов, развертывается (строфы 32—33) картина будущих побед в Азиатской Турции:

Der Nil erschrickt, Damascus brennt,
Es raucht auf Askalon's Gebirgen,
Und durch den ganzen Orient
Herrscht Unruh, Hunger, Pest und Würgen.

Имена и локализация будущих побед — явно из Малерба, как вариант уже устойчивой темы. Но Гюнтер не заметил, что для французских планов морской экспедиции эта локализация не была нелепа, между тем как для продолжения (хотя бы фантастическим пунктиром в будущее) сухопутных побед Евгения надо было сначала перейти Балканский хребет и, прежде чем повергать в ужас Египет и жечь Дамаск, овладеть хотя бы Константинополем. Следовательно, пророчество Гюнтера и реальнее (потому что процесс падения турецкого могущества уже начался) и нереальнее (потому что локализация его в стратегическом отношении нелепа). Такова, в истории классической поэзии, сила прежде сказанного слова.

Заметим еще, что у Гюнтера бедствия турецких провинций усилены. Столбов дыма, голода и чумы у Малерба не было. Малерб был стилистически сдержаннее своих немецких (и русских) последователей.

В Хотинской оде 1739 г. та же стратегическая нелепость:

Не вся твоя тут Порта казнь
. . . . . .